

CULTURE AND ART

DOI <https://doi.org/10.51647/kelm.2021.8.2.2>

ŚWIĘTA „CISZA” WIKTORII POLIOVOI: O WSPÓŁCZESNEJ MUZYCZNEJ INTERPRETACJI TRADYCJI HESYCHASTYCZNEJ

Elena Naumova

kandydat z historii sztuki, docent,

docent Katedry Historii Muzyki Świata

Narodowej Akademii Muzycznej Ukrainy imienia P.I. Czajkowskiego (Kijów, Ukraina)

ORCID ID: 0000-0003-4551-0891

elnaumova@ukr.net

Adnotacja. Artykuł dotyczy twórczości orkiestrowo-chóralnej współczesnego ukraińskiego kompozytora Viktorii Poliovoi. Na materiałach kantaty „Słowo Symeona” na sopran, chór mieszany i orkiestrę symfoniczną (2002) zbadano aspekty wpływu tradycji hesychastycznej. Wskazano podstawowe pozycje hesychazmu jako chrześcijańskiego mistycznego światopoglądu i duchowej praktyki ascezy. Zbadano genezę, specyficzne cechy i kluczowe etapy ewolucji hesychazmu. Postulaty prawosławnego chrześcijaństwa są oświetlane przez pryzmat religijno-poetyckiego pomnika tradycji hesychastycznej – „Boskich Hymnów” Symeona Nowego Teologa. Konceptualna i kompozycyjno-strukturalna strona kantaty „Słowo Symeona” jest badana w świetle refrakcji mistycznej praktyki duchowej „inteligentnego czynienia”.

Słowa kluczowe: hesychazm, modlitwa, doświadczenie mistyczne, „inteligentne czynienie”, przebóstwienie, Symeon Nowy Teolog, przestrzeń sakralna, praktyka duchowa, Viktoriia Poliova.

THE SACRED “SILENCE” OF VICTORIA POLEVA: ABOUT THE CONTEMPORARY MUSICAL INTERPRETATION OF THE HESYCHAST TRADITION

Elena Naumova

PhD in Art History, Associate Professor,

Associate Professor at the Department of the History of World Music

Ukrainian National Tchaikovsky Academy of Music (Kyiv, Ukraine)

ORCID ID: 0000-0003-4551-0891

elnaumova@ukr.net

Abstract. The article examines the orchestral and choral creativity of the modern Ukrainian composer Victoria Poleva. On the material of the cantata “Symeon’s Word” on the text by Symeon the New Theologian for soprano, mixed choir and symphony orchestra (2002) aspects of the influence of the hesychast tradition are studied. The fundamental provisions of hesychasm as a Christian mystical worldview and spiritual practice of asceticism are indicated. The genesis, specific features and key stages in the evolution of hesychasm have been studied. The postulates of Orthodox Christianity are illuminated through the prism of a religious and poetic monument of the hesychast tradition – “Hymns of Divine Love” by Symeon the New Theologian. The conceptual, compositional and structural aspects of the cantata “Symeon’s Word” are studied in the light of the refraction of the hesychast spiritual practice of “smart doing”.

Key words: hesychasm, prayer, mystical experience, “smart doing”, deification, Symeon the New Theologian, sacred space, spiritual practice, Victoria Poleva.

СВЯЩЕННОЕ «БЕЗМОЛВИЕ» ВИКТОРИИ ПОЛЕВОЙ: О СОВРЕМЕННОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ИСТОЛКОВАНИИ ИСИХАСТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Елена Наумова

кандидат искусствоведения, доцент,

доцент кафедры истории мировой музыки

Национальной музыкальной академии Украины имени П.И. Чайковского (Киев, Украина)

ORCID ID: 0000-0003-4551-0891

elnaumova@ukr.net

Аннотация. В статье рассматривается оркестрово-хоровое творчество современной украинской композиторки Викторией Полевой. На материале кантаты «Слово Симеона» для сопрано, смешанного хора и симфонического оркестра (2002) изучаются аспекты влияния исихастской традиции. Обозначены фундаментальные положения исихазма как христианского мистического мировоззрения и духовной практики аскетизма. Изучены

генезис, специфические особенности и ключевые этапы в эволюции исихазма. Освещены постулаты православного христианства сквозь призму религиозно-поэтического памятника исихастской традиции – «Божественных гимнов» Симеона Нового Богослова. Концептуальная и композиционно-структурная стороны кантаты «Слово Симеона» изучаются в свете преломления мистической духовной практики «умного делания».

Ключевые слова: исихазм, молитва, мистический опыт, «умное делание», обожение, Симеон Новый Богослов, сакральное пространство, духовная практика, Виктория Полевая.

Вступление. Поворот к исихазму стал парадоксальным открытием на пути освоения композиторского наследия Виктории Полевой. Древняя традиция духовной практики, составляющая основу православного аскетизма, неожиданным образом оказалась в центре внимания по мере погружения в смысловой мир духовного творчества украинской авторки. Виктория Полевая – одна из наиболее значимых представительниц современной музыкально-философской культуры. Именно в единстве музыки и философии рождены большинство ее сочинений. Ее творчество – это вибрирующий живой организм, мгновенно откликающийся на малейшие изменения социального континуума. Произведения Виктории Полевой, связанные с идеологией «сакрального минимализма», наряду произведениями с А. Пярта, Дж. Тавенера, Х. Гурецкого носят ярко выраженный индивидуальный характер, органично вписываясь в современное художественное пространство.

Линии, восходящие к христианской православной монашеской традиции, настолько очевидны в творчестве Виктории Полевой, что не замечать их недальновидно. Вместе с тем на сегодняшний день данный аспект совершенно отсутствует в исследованиях, посвященных музыке украинской авторки, и вообще никоим образом не учитывается при осмыслении музыкальных концепций композиторки. Однако неопровержимым доказательством является факт обращения к духовным текстам раннего православия, в ряду которых особое место занимают «Божественные гимны» преп. Симеона Нового Богослова (949, Галатия – 1022, Хрисополис).

Уникальная по содержанию и мощи кантата «Слово Симеона» (2002) для сопрано, смешанного хора и оркестра свидетельствует о том, что ключи к прадавним текстам не утрачены. И более того, думается, пришло время внимательного обращения к подобным артефактам. Важно, что в осмыслении столь отдаленных христианских первоисточников слух музыканта, несомненно, должен опираться на широкий философско-богословский дискурс и при этом базироваться на уникальном духовном опыте самого познающего субъекта.

В связи с поставленной целью был привлечен широкий ряд исторических, философских и богословских источников. Следует подчеркнуть, что в настоящее время исихастские штудии – «одна из самых успешно и активно развивающихся проблемных областей для христианского умозрения» (Хоружий, 2012). В своей докторской диссертации О. Климов подробно освещает историю становления науки об исихазме и определяет ключевые фигуры в этом процессе. Так, исследователь указывает, что сам термин «исихазм», определяющий сущность поздневизантийского богословия, вошел в литературный и научный обиход в середине прошлого столетия. В нем одновременно выявились два аспекта: во-первых, обрядово-аскетическая практика единения человека с Богом через так называемое умное делание и сердечное ведение; во-вторых, философское учение о богопознании, «возникшее на почве полемики с теологическим рационализмом католической схоластики, получившее известность под именем паламизма» (Климов, 2019: 3).

Крупных и признанных исследователей в этой области за последние десятилетия выдвинули все христианские конфессии. Доктор философии и богослов С. Хоружий выделяет в ряду наиболее авторитетных имен еп. Василия (Кривошеина)¹, о. Киприана (Керна)², В. Лосского³, о. Иоанна Мейендорфа⁴ (Хоружий, 2012). Этот список необходимо дополнить именами Н. Жиртуевой (Жиртуева, 2017), О. Климова (Климов, 2019), С. Пьянковой (Пьянкова, 2003). Наконец, в центре современного богословско-философского дискурса находятся исследования самого С. Хоружего – выдающего мыслителя XXI века (Хоружий, 1991, 1993, 2000, 2012, 2016, 2019).

Следует подчеркнуть, что именно понятие «мистический опыт» оказывается единственным связующим звеном, которое соединяет сложные образно-символические тексты Симеона – практикующего монаха-исихаста – и конкретный концентрированный по эмоциональной энергии музыкальный текст Виктории Полевой. Вот этот узел смыслов нуждается в расслоении: слишком уж туго завязаны христианские постулаты исихазма, пропущенные через миропонимание Симеона Богослова, и музыкальная ткань кантаты XXI века.

¹ Василий (Кривошеин). Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы. *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1936. Т. VIII. С. 99–154.

Василий (Кривошеин). Святой Григорий Палама – личность и учение (по недавно опубликованным материалам). *Вестник Русского западноевропейского патриаршего экзархата*. 1960. № 33–34. С. 101–114.

² Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы / вступ. ст. А.И. Сидорова. Москва : Паломник, 1996.

Киприан (Керн). Духовные предки Святого Григория Паламы (опыт мистической родословной). *Православная Мысль*. 1942. № 4. С. 102–131.

³ Лосский В.Н. Боговидение. Москва : АСТ, 2006. 759 с.

⁴ Мейендорф И.Ф. Жизнь и труды св. Григория Паламы : Введение в изучение : изд. 2-е, испр. и доп. для рус. пер. / пер. Г.Н. Начинкина ; ред. И.П. Медведева и В.М. Лурье. Санкт-Петербург : Византинороссика, 1997.

Мейендорф И.Ф. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1974. № 29. С. 291–305.

Мейендорф И.Ф. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы / пер. с англ. В. Марутика. Минск : Лучи Софии, 2001. 334 с.

Таким образом, *целью* статьи является выявление и осмысление новых аспектов содержания музыкально-хорового творчества Виктории Полевой в контексте актуальных идей исихастской традиции.

Целью работы предопределены основные *задачи исследования*:

- обозначить фундаментальные положения исихазма как христианского мистического мировоззрения и духовной практики аскетизма;
- изучить генезис, специфические особенности и ключевые этапы в эволюции исихазма;
- осветить постулаты православного христианства сквозь призму памятника исихастской традиции – «Божественных гимнов» Симеона Нового Богослова;
- рассмотреть в богословско-философском аспекте музыкально-драматургические закономерности кантаты Виктории Полевой «Слово Симеона».

Материалом исследования избрана кантата Виктории Полевой «Слово Симеона» (2002) для сопрано, смешанного хора и оркестра, основанная на тексте религиозно-поэтического памятника исихазма – «Божественных гимнов» Симеона Нового Богослова.

Исследование проведено на основе принципов философского, религиоведческого и культурологического анализов. Для решения поставленных в работе исследовательских задач были использованы следующие *методы*:

- метод историко-философского анализа возникновения и развития практик православного исихазма;
- психоаналитический подход, позволяющий раскрыть психологическое содержание аскетических практик исихастской традиции;
- метод целостного анализа музыкального произведения.

Основная часть. Осмысливая художественный стиль В. Полевой, Н. Гуляницкая указывает на «единораздельную целостность» (термин А. Лосева) содержательной и структурной моделей, важнейшими признаками которой являются «высокая концептуальность и строго отобранные принципы композиции» (Гуляницкая, 2002: 38). Сочетание традиционного начала и новых приемов отличает стилистику многих духовно-музыкальных произведений авторки, которые представляют большие и малые жанры. При этом путь, который избрала для себя Виктория Полевая, несмотря на жанрово-тематическое разнообразие композиторских опусов, поражает своей центрированностью. Устойчивое ощущение несокрушимого духовного стержня пронизывает все произведения авторки, будь то инструментальные «картины» (а иначе их и не назовешь: “Null” для симфонического оркестра (2006), “Nenia” для скрипки соло и оркестра (2004), “ONO” для оркестра (2004), «Трансформа» — диптих для ансамбля солистов и оркестра (1993), “Langsam” для оркестра (1992, ред. 2009)) или светносные хоровые композиции на канонические тексты («Матерь Света» (2003), «Приношение Алипию Печерскому» (2010), «Христос воскрес» (2009), «Верую» (2008), «Заповеди блаженства» (2003), «Приношение Пярту» (2003), «Ангел возвестил» (2001), «Псалом Давида 50» (2000), «Светлые песнопения» (2000)). Особый же смысловой микст возникает, когда голоса врастают в оркестровую ткань, рождая уникальный – одновременно художественный и философский – резонанс (“Credo” на канонический текст, версия для смешанного хора и симфонического оркестра (2009), «Музыка лема», камерная кантата на стихи Й. Бродского для скрипки соло, детского хора и струнных (2008), “No tan is an Island”, камерная кантата на текст Д. Донна для меццо-сопрано (женского хора), струнных и фортепиано (2006)).

Кантата «Слово» на текст Симеона Нового Богослова Виктории Полевой является сложным и многомерным художественным объектом, центрированным на идее духовного поиска. В музыке отчетливо появляются исконные христианские символы, свободные от многослойных интерпретаций последующих поколений.

Гимны преп. Симеона хорошо известны в прозаическом переводе иеромонаха Пантелеймона (1917). Позднее поэтический перевод избранных гимнов был осуществлён иеромонахом (ныне митрополитом Волоколамским) Иларионом (Алфеевым) (Преподобный Симеон Новый Богослов, 2011) – современным знаменитым богословом и патрологом, автором целого ряда монографий по патристике и переводов творений св. отцов с греческого и сирийского языков.

«Гимны преп. Симеона – это повесть души, говорящей не совсем обычной человеческой речью, а покаянными вздохами и стонами или радостными восклицаниями и ликованиями <...>, это повесть, записанная не на свитке только, но глубоко начертанная и запечатленная в уме, сердце и воле ее автора», – так характеризует духовное творчество Симеона митр. Иларион. При этом редактор-составитель бережно предупреждает о возможных ошибках при восприятии текстов, смысл которых небезопасен «для ограниченного и слабого» человеческого мышления: «В Божественных гимнах преп. Симеона такая отрешенность от мира, такая одухотворенность, такая глубина духовного ведения, такая головокружительная высота совершенства, до которых едва ли когда еще достигал человек». Поэтому некоторым из читателей, как считает митр. Иларион, многое в гимнах покажется странным и непонятным, невероятным и невозможным, а кое-что покажется «даже соблазном и безумием» (Преподобный Симеон Новый Богослов, 2011). Так вот, чтобы не оказаться во власти «гнетущего сомнения и неверия или не остаться с тупым самодовольством мнимого мудреца-всезнайки, – заключает философ-богослов, – всякий человек должен слишком скромно думать как о себе, так и о сфере человеческого познания вообще, и своего крохотного опыта отнюдь не обобщать до общечеловеческого и универсального» (Преподобный Симеон Новый Богослов, 2011).

В своем развернутом вступлении к изданию Иларион стремится максимально образно и ярко передать тот несказуемый смысл, который скрыт в сокровенных текстах православного мистика. Аналитические

суждения Илариона глубоки и выразительны, однако беспомощны пред читателем, который сознательно избирает позицию предвзятого наблюдателя. Важно отметить, что статус *непричастности* принципиально отделяет нас от содержания религиозных текстов Симеона. В этом отношении опус современной украинской композиторки духовных сочинений Виктории Полевой может послужить настоящим «проводником» в пространство скрытых смыслов первоисточника.

Обращение Виктории Полевой к «Божественным гимнам» – это смелый и глубоко осознанный шаг. То, что явилось «созданием» композиторки, с одной стороны, не имеет аналогов в современной музыкальной литературе, а с другой стороны, имеет множество аналогов, однако в иной сфере – сфере духовно-аскетической практики исихазма.

Исихазм с его многовековой историей – уникальное явление⁵. По мнению С. Хоружего, выдающегося мыслителя современности, доктора философии, математика и богослова, исихазм относится к наиболее сложным, «синтетическим феноменам человеческой цивилизации и духовной жизни» (Хоружий, 2012). «Сочетая в себе глубинное знание и тонкое, изощренное практическое искусство, исихазм распространял свое воздействие сокровенно, подспудно. Но, тем не менее, он проник и определяет собой весь стиль и дух православного монашества», – отмечает автор (Хоружий, 2012)⁶.

Слово «исихазм» происходит от греческого “ἡσυχία” – «молчание», «тишина», «отрешенность». Исихасты проповедовали, что неизреченный логос – Слово Божье – постигается в молчании⁷. Созерцательная молитва, отказ от многословия, постижение Слова Божьего в его глубине – вот путь познания Бога, который исповедуют учителя исихазма. Большое значение для исихастской практики имеет созерцание Фаворского света – того света, что видели апостолы во время преображения Господа Иисуса Христа на горе: «Через этот свет, нетварный по своей сущности, как учили исихасты, подвижник входит в общение с Непостижимым Богом. Исполняясь этим светом, «молчальник» приобщается к Божественной жизни, преображается в новую тварь» (Наумов, 2004: 56).

Как известно, исихастская традиция имеет своим ядром определенную молитвенную практику. Она заключается в непрерывном творении Иисусовой молитвы: «*Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного*». Она же называется «умной молитвой». Эта молитва, повторяемая десятки, сотни раз, входит как необходимый элемент во всякое монашеское правило. При этом, как акцентируют внимание исследователи, «сила молитвы состоит не в особом ее содержании, а в самом Имени Иисусовом» (Наумов, 2004: 58). В богословской литературе есть подробное разъяснение сущности данной молитвы: «Умный – это, как мы понимаем, наделенный умом, а умной – это не наделенный умом, а производимый умом, где сам ум выступает как некий совершающий инструмент» (Хоружий, 2000).

Как считает С. Хоружий, данная молитвенная практика включает в себя не только произнесение молитвы как таковое, но и достаточно сложно построенный аппарат молитвенного опыта, включающий в себя хранение молитвы: «Во время молитвы ум должен функционировать в совершенно определенном режиме, который не держится сам собой. Это известно каждому молящемуся. Не только с Иисусовой молитвой, но и с любой молитвенной практикой теснейше сопряжен такой фактор сознания, как концентрация внимания. Молитва должна сопрягаться с определенной дисциплиной внимания. Это внимание, которое хранит особое молитвенное пространство от вторжений, от внешних помех. И когда молитва ограждена надлежащим аппаратом внимания, делаются возможными те специальные явления, которые мы описывали в терминах «вхождения» (Хоружий, 2000).

«Творение молитвы» и «внимание», контроль сознания, обеспечивающий непрерывность молитвы, – это двойное делание развертывается как духовный процесс, «имеющий направленный, восходящий характер и членящийся на ряд ступеней, из коих главные суть: покаяние – борьба со страстями, исихия – сведение ума в сердце, бесстрастие – чистая молитва, созерцание нетварного Света – преображение и обожение» (Хоружий, 2012). С. Хоружий убежден, что, невзирая на сложный, почти «элитарный» характер данной практики, исихазм не является замкнутой эзотерической сферой, а умное делание – «органическая часть обширной

⁵ Существует несколько вариантов периодизации, но наиболее аргументированно ее обобщил крупнейший современный исследователь исихазма о. Иоанн Мейендорф (1926–1992). Богослов выделил четыре значения термина: 1) древнейший смысл таков: уединенное, отшельническое монашество (в отличие от общежительного), протекающее в безмолвии, молчальничестве; 2) развившаяся на Синае и Афоне и достигшая расцвета в XIV в. особая школа и техника молитвы, часто именуемая «умным деланием» и имеющая своим ядром непрерывное творение в уме молитвы Иисусовой «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»; 3) учение св. Григория Паламы (1296–1359), или паламизм, богословское выражение и обоснование исихазма в смысле 2), в центре которого – концепция нетварных Божественных энергий, действующих в мире и человеке; 4) наиболее поздний смысл: широкое явление в религиозной жизни России XIV–XVI вв., охватывающее все влияния и отражения перешедшего на Русь исихазма в духовной практике, монашеской и монастырской жизни, духовной культуре и даже государственном строительстве» (Хоружий, 2012).

⁶ В становлении исихазма как мистико-аскетической традиции С. Хоружий отмечает последовательность «снизу вверх»: «Ранний этап IV–V вв. – бурное зарождение православной аскезы в Египте и Палестине, время деятельности ее создателей и учителей (свв. Антоний Великий, Макарий Великий, Иоанн Златоуст, диакон Евагрий Понтийский, свв. Нил Анкирский, Иоанн Кассиан, Ефрем Сирий и др.). На этой стадии сформировались два таких типа (русла) аскезы: монашество кинувийное, общежительное (от греч. “κοινός βίος” – «общая жизнь»); монашество анахоретское, пустынножительное (от греч. “ἀναχωρητής” – «отшельничество»). Поздней к ним присоединился третий (промежуточный) тип – скитское, или идиоритмическое, монашество, когда иноки имели раздельное жительство, но совместное богослужение, единый духовный ритм» (Хоружий, 2012).

⁷ Термин «исихаст» очень древний, употребляемый с IV в. Он означал монаха-отшельника, пребывающего в покое («молчальника»). Такие монахи-отшельники были в Египте и Сирии уже с первых времен христианства.

икономии православной церковной молитвы» (Хоружий, 2012). Делание отнюдь не должно пониматься как только лишь «техника молитвы», – указывает философ. Речь в нем идет не об одной молитве в собственном, узком смысле, а «о цельном человеке в акте молитвенного устремления и процессе последовательного восхождения к полноте Богообщения и единения с Богом» (Хоружий, 2012).

Исихасты своей высочайшей целью считали обожение (теозис) (от др. греч. “θέωσις” от “θεός” – «бог») всего человека по образу воскресшего Иисуса Христа – «актуальное претворение человеческой природы в Божественную» (Хоружий, 2012). Говоря современным языком, содержание процесса состоит в «трансформации энергийного строения человеческого существа: как свойственно духовным практикам, человек здесь рассматривается как «энергичная конфигурация», и эта конфигурация, проходя серию определенных энергичных форм, преобразуется в особый «сверхъестественный» тип, когда все энергии устремлены к Богу. Состояние всецелой устремленности к Богу, трактуемое православным богословием как совершенная соединенность человеческих энергий с Божественной энергией, благодатью, и есть обожение – претворение человеческой природы, достигаемое в полноте мистического Богообщения» (Хоружий, 2012).

Краеугольным камнем исихастской концепции миропонимания служит понятие *суверенности личности*. Именно это качество становится принципом, основанием и единственной возможностью соединения с Богом. Из чего он складывается, этот суверенитет? Какие составляющие возможно выделить? О каких границах человека может идти речь, если целью исихастской практики является предельное единство?

Изирая путь исихии, практикующие монахи-отшельники искали *безмолвия* – не тишины и покоя, а именно молчания земных аспектов жизни со всей ее калейдоскопичностью. Как же быть в таком случае нам, погруженным в шум современного информационного бума? Возможно ли приобщиться посредством музыки к сакральному инобытию, не имея в рабочем арсенале «точки доступа»?

Ответы подсказывает сама музыка кантаты Виктории Полевой. Она удивительно откровенна. Обнажены самые сокровенные моменты духовной жизни человека, недоступные и невозможные в суете времени: автор приоткрывает завесу того измерения, которое возникает *после* замолкания времени. Безусловно, эта картина в высшей степени субъективна, но оттого она и притягательна. У нас нет аналогов для сравнения, и опереться слушателю не на что, кроме как на собственный мистический опыт, ведь именно он становится единственным мостом, увязывающим зримый и незримый миры.

Музыка Виктории Полевой настолько картинна, что невольно располагает к визуальным аналогиям и метафорам. Однако речь идет отнюдь не об иллюстративной программности. Авторка очень далека от подобного истолкования литературного текста, который предпослан музыке, тем более, что «разрисовать» или «объяснить» его словами невозможно: гимн Симеона Нового Богослова соткан из иносказаний и символов. И тем не менее, поэтическая основа кантаты – это «ключ» к смыслу сочинения. Следует подчеркнуть, что произведение В. Полевой многоязычно в том смысле, что в нем таится сразу несколько каналов передачи информации, и словесно-поэтический – лишь один из них. Второй – более действенный – можно назвать условно путем «умной молитвы».

В основе кантаты – молитва ушедшего в аскезу монаха, которому открылось *инобытие*. Как об этом сказать языком музыки? «Слово» Виктории Полевой разбивает все устоявшиеся стереотипы о характере молитвенных песнопений. Здесь всё «ненормативно»: вместо тончайших «прядей» православных молитв – мощное динамическое полотно, которое наваливается с колоссальной силой воздействия, вместо облегченной фактуры и светящейся гармонии – тяжелые хоровые и оркестровые педали, создающие буквально магнетическую силу вовлечения в глубину. Звуковая материя в кантате «Слово» не разреженная, а, наоборот, чрезмерно уплотненная.

Перед нами разворачивается монолог, причем это монолог «молчальника», во всем объеме недоступный обыденному сознанию. Заглядывая за пределы человеческих возможностей, композиторка как бы намечает контуры *диалога* с сакральным. Заданным условием является форма гимнического обращения: «*Прииди, Свет истинный; Прииди, жизнь вечная; Прииди, сокровенная тайна; Прииди, сокровище безымянное; Прииди, вещь неизреченная; Прииди, лик непостижимый; Прииди, непрестанное радование!..*». Однако ожидать мерцающей светоносной тишины в духе вагнеровского «Лоэнгрин» не приходится. В музыке кантаты нет ничего похожего на трепетное и невесомое замирание “*Vorspiel*”, а разрыв временных связей возникает как результат наивысшего напряжения. Если уж и проводить аналогии с Вагнером, то уместнее вспомнить о кульминационном “*Liebestod*” «Тристана и Изольды» с его открытым «безмолвствующим» финалом при всем различии образного содержания произведений.

Структура текста и репетитивный принцип композиции кантаты взаимообусловлены. Ритмоинтонационным паттерном целого выступает восходящий секундовый комплекс, буквально «толкающий» вперед музыкальное движение. На основе избранной звуковой модели вырастают две развернутые динамические волны. Их музыкальное содержание прямо мотивировано энергетическим посылом текста. *Безмолвие* у Виктории Полевой – это апогей действенности – свехнапряжение и открытый поток энергии. При помощи этого возникает абрис той самой суверенности, на базе которой открывается возможность личностного *диалога* с сакральным миром.

«Для меня крайне важны пределы, границы пространства, – неоднократно отмечала в своих высказываниях авторка. – Всегда хочется их расширить, переступить через грань «предельных возможностей». Поэтому я часто стараюсь задействовать крайние регистры, предельные динамические диапазоны, предельные темпы. Всегда помню высказывание старца Силуана: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся».

С одной стороны – ад, с другой – чаяние. Это порождает сильнейшее напряжение, натяжение, страдание, но и надежду, возможность преодоления. Это – источник <...>» (Москалец, 2012). Возможно ли использование подобной музыки в прикладной богослужебной практике? На этот вопрос композиторка давно сформулировала отрицательный ответ, понимая всю значимость авторского слова в своих сочинениях: «Есть другой тип духовной музыки, не претендующий на храмовое служение, но имеющий глубокий литургический внутренний текст» (Москалец, 2021). В таком простом и ёмком авторском высказывании содержится ключ к пониманию сакрального содержания произведений Виктории Полевой.

Выводы. Обобщая предложенные в данной статье наблюдения, можно сказать, что осознание художественной значимости того или иного современного произведения искусства наиболее полно раскрывается лишь в связи с переосмыслением глубинных корней, увязывающих новое с традицией. А традиция эта может и должна регулярно «реинкарнироваться» в новых культурных смыслах и формах.

Вопрос о том, почему именно сегодня исихазм интенсивно входит в современную культуру, мы намеренно оставили открытым. Это отдельная сложная проблема, которую затрагивают крупнейшие мыслители XXI века, справедливо акцентируя онтологическую природу данного феномена (Хоружий, 2012). В качестве небольшого, но чрезвычайно весомого акцента приведем слова С. Хоружего, объясняющие возможные причины актуальности исихазма в наше время. По мнению философа, исихастская духовность обладает в начале XXI века уникальной интегрирующей функцией, ценность которой признана всем христианским миром: «Как говорит само имя, ядро исихазма – это обретение и хранение исихии (священного молчания), то есть устремленной к Богу безмолвной и глубокой сосредоточенности» (Хоружий, 2012). И так свидетельствует о ней папа Иоанн Павел II в энциклике “*Orientalium Lumen*” (1995): «Молчание (исихия) – это существенный компонент восточной монашеской духовности <...>. Мы должны признать, что все мы нуждаемся в таком молчании, преисполненном ощущения благоговейного присутствия <...>. Все верующие и неверующие люди нуждаются в том, чтобы научиться такому молчанию» (*Orientalium Lumen*, 1995). Экстраполируя на музыку Виктории Полевой суждения С. Хоружего о бесконечном потенциале человека, приобщенного к исихастской духовности, можно сказать, что кантата «Слово» – это «тема о нераскрытых возможностях, о неисчерпанных ресурсах православного мирозерцания, которые могли бы сыграть плодотворную роль в решении духовных задач современной эпохи. Могли бы – кто знает – оказаться вестью древней православной традиции современному сознанию <...>» (Хоружий, 1991).

Список использованных источников:

1. Гуляницкая Н. Поэтика музыкальной композиции: теоретические аспекты русской духовной музыки XX века. Москва : Музыка, 2002. 432 с.
2. Жиртуева Н.С. Православный исихазм в контексте компаративного анализа философско-мистических традиций мира. *Вопросы философии*. 2017. № 3. С. 52–62.
3. Климов О.К. Исихазм и русская религиозная философия XV–XVIII вв. : дисс. ... докт. филос. наук : 09.00.03 «История философии». Санкт-Петербург: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 2019. 759 с.
4. Москалец А. Хочется переступить через грань «предельных возможностей». URL: <https://day.kyiv.ua/ru/article/kultura/hochetsya-perestupit-cherez-gran-predelnyh-vozmozhnostey> (дата обращения: 11.10.2021).
5. Наумов Д.А. Исихастская мистическая традиция в восточнохристианской богословской мысли. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2004. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/isihastskaya-misticheskaya-traditsiya-v-vostochnohristianskoy-bogoslovskoy-mysli> (дата обращения: 21.12.2021).
6. Преподобный Симеон Новый Богослов, Преподобный Никита Стифат. Аскетические сочинения в новых переводах. Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2011. 224 с. URL: <https://textarchive.ru/c-1009648-pall.html> (дата обращения: 24.11.2021).
7. Пьянкова С.П. Парадоксы творчества в музыкальной культуре XX века : дисс. ... канд. Культурологии : 24.00.01 «Теория и история культуры». Саратов, 2003. 126 с.
8. Хоружий С.С. Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении. Москва : Центр психологии и психотерапии, 1991. URL: <https://predanie.ru/book/90073-diptih-bezmolviya/#/toc1> (дата обращения: 21.12.2021).
9. Хоружий С.С. Исихазм и история. *Цивилизации*. Вып. 2. Москва : Наука, 1993. С. 172–196.
10. Хоружий С.С. Исихазм и культура. *Культура и искусство*. 2016. № 1. С. 25–40. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.1.16838.
11. Хоружий С. Исследования по исихастской традиции : в 2 т. Т. 2 : Многогранный мир исихазма. Санкт-Петербург : Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 448 с.
12. Хоружий С. «Практика себя». *Искусство кино*. 2000. № 12. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2000/12/n12-article28> (дата обращения: 26.11.2021).
13. *Orientalium Lumen*. Окружное Послание Папы Иоанна Павла II (Апостольское послание к епископам, клиру и верующим по случаю 100-летия Апостольского послания “*Orientalium Dignitas*” Папы Льва XIII «О восточном христианстве»), 1995. Ч. I. П. 16. URL: <http://krotov.info/acts/20/voityla/19950502.html> (дата обращения: 26.11.2021).

References:

1. Gulyanickaya, N. (2002). Poetika muzykal'noj kompozicii: Teoreticheskie aspekty russkoj duhovnoj muzyki XX veka [Poetics of Musical Composition: Theoretical Aspects of Russian Sacred Music of the XX Century]. Moscow : Muzyka, 2002. 432 p. [in Russian].
2. Zhirtueva, N.S. (2017). Pravoslavnyj isihazm v kontekste komparativnogo analiza filosofsko-misticheskikh tradicij mira [Orthodox hesychasm in the context of a comparative analysis of the world's philosophical and mystical traditions]. *Voprosy filosofii*. 2017. № 3, pp. 52–62 [in Russian].
3. Klimkov, O.K. (2019). Isihazm i russkaya religioznaya filosofiya XV–XVIII vv. [Hesychasm and Russian religious philosophy of the XV–XVIII centuries] : dis. ... doktor nauk : 09.00.03 – Istoriya filosofii. FGBOU VO “Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet”. 2019. 759 p. [in Russian].
4. Moskalec, A. (2012). “Hochetsya perestupit' cherez gran' “predel'nyh vozmozhnostej” [“I would like to cross the line of “ultimate possibilities”]. URL: <https://day.kyiv.ua/ru/article/kultura/hochetsya-perestupit-cherez-gran-predelnyh-vozmozhnostey> (date of the application: 11.10.2021) [in Russian].
5. Naumov, D.A. (2004). Isihastskaya misticheskaya tradiciya v vostochno-hristianskoj bogoslovskoj mysli [Hesychast mystical tradition in Eastern Christian theological thought]. *Vestnik ChelGU*. 2004. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/isihastskaya-misticheskaya-traditsiya-v-vostochnohristianskoj-bogoslovskoj-mysli> (date of the application: 21.12.2021) [in Russian].
6. Prepodobnyj Simeon Novyj Bogoslov, Prepodobnyj Nikita Stifat (2011). Asketicheskie sochineniya v novyh perevodah [The Monk Symeon the New Theologian, the Monk Niketas Stethatos. Ascetic compositions in new translations]. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2011. 224 p. URL: <https://textarchive.ru/c-1009648-pall.html> (date of the application: 24.11.2021) [in Russian].
7. P'yankova, S.P. (2003). Paradoksy tvorchestva v muzykal'noj kul'ture XX veka [Paradoxes of creativity in the musical culture of the XX century: dis. of the Candidate of Cultural Studies] : dis. ... kandidata kul'turologii : 24.00.01 – Teoriya i istoriya kul'tury. Saratov. 2003. 126 p. [in Russian].
8. Horuzhij, S. S. (1991). Diptih bezmolviya. Asketicheskoe uchenie o cheloveke v bogoslovskom i filosofskom osveshchenii [Diptych of silence. The ascetic doctrine of man in theological and philosophical light]. Moscow : Centr psichologii i psihoterapii, 1991. URL: <https://predanie.ru/book/90073-diptih-bezmolviya/#/toc1> (date of the application: 21.12.2021) [in Russian].
9. Horuzhij, S.S. (1993). Isihazm i istoriya [Hesychasm and history]. *Civilizacii*, issue 2. Moscow : Nauka, 1993, pp. 172–196 [in Russian].
10. Horuzhij, S.S. (2016). Isihazm i kul'tura [Hesychasm and culture]. *Kul'tura i iskusstvo*. 2016. № 1, pp. 25–40. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.1.16838 [in Russian].
11. Horuzhij, S. (2012). Issledovaniya po isihastskoj tradicii. Vol. 2. Mnogogrannyj mir isihazma [Research on the hesychast tradition: Vol. 2. The multifaceted world of hesychasm] : Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii, 2012. 448 p. [in Russian].
12. Horuzhij, S. (2000). “Praktika sebya” [“Practice of oneself”]. *Iskusstvo kino*. 2000. № 12. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2000/12/n12-article28> (date of the application: 26.11.2021) [in Russian].
13. Orientale Lumen (1995). Okruzhnoe Poslanie Papy Ioanna Pavla II (Apostol'skoe poslanie k episkopam, kliru i veruyushchim po sluchayu 100-letiya Apostol'skogo poslaniya “Orientalium Dignitas” Papy L'va XIII “O vostochnom hristianstve”) [Circular Epistle of Pope John Paul II (Apostolic Epistle to Bishops, Clergy and Believers on the Occasion of the 100th Anniversary of the Apostolic Epistle “Orientalium Dignitas” of Pope Leo XIII “On Eastern Christianity”)], 1995. Part I. P. 16. URL: <http://krotov.info/acts/20/voityla/19950502.html> (date of the application: 26.11.2021) [in Russian].